

Народ и толпа

Даже не будучи экспертом, скажем, в области экономики и политики, психолог может со своих профессиональных позиций вполне компетентно истолковать многие тенденции в этих сферах и даже выдвинуть весьма вероятный прогноз. Не этим ли объясняется, например, “хождение в политику” известного психолога Леонида Гозмана или тот факт, что такие квалифицированные психологи, как Дмитрий Ольшанский и Леонид Радзиховский, сумели стать крупными политологами?

Компетенция психолога позволяет выносить суждения по широкому кругу общественно значимых проблем. Этим уже на протяжении нескольких лет активно занимается автор этих строк. На страницах множества периодических изданий печатались мои статьи по вопросам образования и культуры, профессионального самоопределения и досуга, деловых и супружеских отношений... Есть, правда, три темы, на которые я сознательно наложил строгое табу. В своих публикациях я намеренно не касаюсь национального вопроса, а также проблем религии и политики. Мнения по этим вопросам разнятся очень сильно, а порой они непримиримы. И что бы ты ни сказал по любому из этих вопросов, непременно найдется кто-то, кто сочтет себя обиженным. А по моему глубокому убеждению, не то нынче время, чтобы лить масло в огонь общественного раздора.

От этих принципов я не намерен отступать и на сей раз, хотя и собираюсь коснуться вопросов, которые постоянно толкуются именно в национальном, религиозном и политическом аспектах. Я имею в виду вопросы о самосознании народа и благе народа, о народном характере и народной душе. Рассуждения деятелей всех мастей на эти темы набили такую оскомину, что никто уже, похоже, не отдает себе отчета, о чем идет речь. Само понятие “народ” представители разных национальностей, партий и конфессий трактуют настолько по-разному, что, кажется, настало время высказать по этому поводу и непредвзятое суждение психолога. Причем не ради того, чтобы скрестить с кем-то шпаги, а наоборот – чтобы смягчить противоречия.

Прежде всего необходимо отдать себе отчет, что ни один народ, за исключением, пожалуй, каких-нибудь малочисленных, примитивных, изолированно живущих племен (которых на Земле осталось совсем немного), не представляет собой однородной национальной массы. В меньшей степени это характерно для мононациональных государств – таких, как Ирландия, Польша или Япония. А наиболее характерно для государств многонациональных, крупнейшими из которых являются Индия, США и Россия (хотя примеры, скажем, Великобритании, Швейцарии или ЮАР не менее убедительны). В многонациональном государстве понятие “народ” покрывает понятие “национальность”. Так, для нас Збигнев Бжезинский, Боб Дилан, Курт Воннегут и Лайза Минелли – прежде всего американцы, а их соответственно польское, еврейское,

немецкое и итальянское происхождение интересует лишь дотошных биографов. Да и всех выходцев из России за рубежом скопом величают русскими, невзирая на национальность. И такой обобщенный подход в целом оправдан. В нем воплотилось объективное представление о народе как об общности людей, объединенной общей территорией проживания, языком и культурой. В этом смысле Шарль Азнавур – представитель не столько армянского народа, которому он принадлежит по крови, сколько французского. Человек, родившийся в результате мимолетной “любви” московской девчонки и зимбабвийского студента из Университета дружбы народов, гораздо более русский, несмотря на унаследованный от папы африканский цвет кожи, чем чистокровный потомок белоэмигрантов, который родился и вырос за океаном. Самый убедительный пример – величайший русский (!) поэт, чей юбилей мы недавно отмечали. Не будем забывать, что А.С.Пушкин – внук петровского арапа. А современная массовая культура ассоциируется у одних с именами Визбора, Кима и Окуджавы, у других – Макаревича, Цоя и Шевчука, у третьих – Меладзе, Орбакайте и Киркорова, но практически ни у кого – с именами Реброва или Рубашкина, с сильным акцентом распевающих “Калинку” в немецких кабаках.

И это естественно для такого многонационального государства, каким является Россия. Если бы мы попытались “вычистить” российскую историю и культуру по национальному признаку, нам пришлось бы пожертвовать Фонвизиним и Крузенштерном, Берингом и Растрелли, Багратионом и Утесовым (список можно продолжать бесконечно). Такая перспектива при вдумчивом рассмотрении вряд ли кого-либо устроила бы. В многонациональном государстве понятие “народ” не может не быть наднациональным. Это требует непременного уважения к национальным особенностям, но категорически исключает их превознесение и выпячивание. Любые попытки национального обособления при этом чреваты сепаратизмом, бессмысленное уродство которого мы сегодня наблюдаем в действиях косовских албанцев и на мятежной территории, именующей себя Ичкерией.

Смею предположить, что долгие поиски “объединительной” национальной идеи потому и остаются бесплодными, что вольно или невольно ведутся именно на национальной, а не на народной почве. Не приходится удивляться, что логическим следствием таких поисков неизбежно оказывается возврат к сакраментальному лозунгу: “Бей нерусских!” Однако в народе такая идеология приживается плохо, ибо народу она органически чужда. Самоутверждение народа происходит в созидании, а не в противопоставлении себя тем, кто якобы хуже. И самосознание народа основывается на осознании собственных достоинств, а не чужих пороков.

Но достоинства и созидательный потенциал распределены между людьми неравномерно, у некоторых – отсутствуют вовсе. Как сказал Андрей Вознесенский, “есть соль земли, есть сор земли”. Достоинства народа складываются из “соли”, из достоинств тех, кто ими обладает. Это своего рода естественная элита, которая и формирует народный дух, исконные народные ценности, находящие воплощение в осязаемых ценностях цивилизации. Под элитой в данном случае следует понимать не узкую прослойку “верхов общества”. Реальная элита включает людей, обладающих достаточным потенциалом, чтобы в благоприятных условиях заниматься

общественно-полезной деятельностью и получать от этого как моральное удовлетворение, так и материальную выгоду. В таком понимании элита предстает как наиболее активная, дееспособная часть общества, определяющая его процветание. К ней принадлежат не только талантливые интеллектуалы: ученые, писатели, политики, артисты, но и мастера-ремесленники, и те крестьяне, которые своим трудом кормят не только семью, но и других людей. В процветающем государстве элита – это не меньшинство, а скорее большая часть народа. По сути дела, она и есть народ.

Если послушать современных политиков и идеологов, то их понимание народа совсем иное. Из елейных речей о воле народа, о благе народа и т.п. народ предстает как толпа потребителей-иждивенцев, которые ждут-не дождутся, пока их облагодетельствует добрая власть, наставит мудрый учитель. И политики пускаются в состязание, кто из них перед лицом этой толпы окажется самым добрым и мудрым. В ход идут любые уловки, чтобы заручиться расположением простодушной толпы.

Было бы наивно утверждать, что такой толпы не существует. Увы, она весьма многочисленна. Но хочется верить, что она не составляет большинства. По крайней мере, совершенно недопустимо отождествлять эту толпу с народом. Мы же сегодня на каждом шагу наблюдаем, как толпу пытаются выдать за народ или относиться к народу как к толпе. Толпе это, безусловно, льстит. Но народу наверняка претит!

С позиций психологической теории иерархии потребностей можно утверждать, что народу в целом присуща исконная потребность в самоактуализации, то есть стремление дотянуться до высот, стать тем, кем ты можешь стать. Толпа же существует на примитивном уровне элементарных потребностей. Ее представители трудятся из-под палки и только ради того, чтобы насытиться. Свою свободу они охотно уступают любому вождю, который гарантирует им теплую клетку и миску баланды. Этот механизм блестяще описал Эрих Фромм в своей книге “Бегство от свободы”. Он, правда, опирался на пример немецкого народа, который, измученный экономическим кризисом, голодом и инфляцией, оскорбленный поражением в мировой войне, добровольно привел к власти нацистскую клику. Впрочем, говорить о народе тут не вполне уместно. В тех невыносимых условиях народ явно деградировал (по крайней мере психологически), а толпа размножилась и разъярилась. Именно толпа привела к власти бесноватого фюрера. Чем это кончилось, хорошо известно. Понадобилось жесточайшее потрясение и огромные жертвы, чтобы народ протрезвел и стал наконец народом (хотя истерические взвизги толпы в тех краях слышны по сей день).

Наш народ удивительно жизнестоек, силен и мудр. Ни скудоумие толпы, ни подлость и жестокость ее вождей не смогли его окончательно обескровить. И возглавить его сумеют те, кто сможет опереться на его реальные достоинства. А манипуляции настроениями толпы еще никогда не доводили до добра. Потому что толпа действительно глупа и податлива. А значит, на нее невозможно по-настоящему опереться.